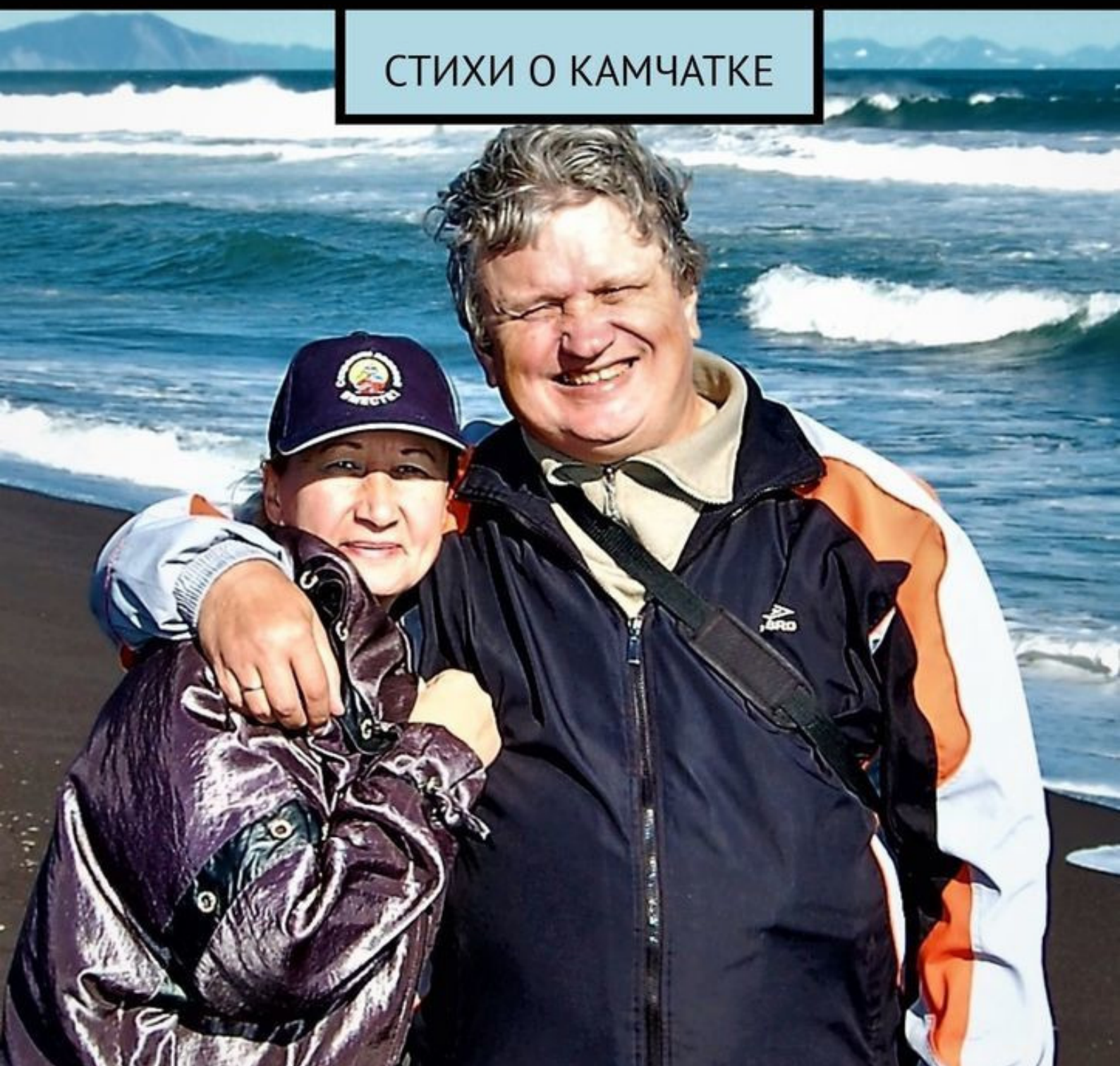

18+

ВАЛЕРИЙ ДАВЫДОВ

Я шёл всё время строго на восток

СТИХИ О КАМЧАТКЕ

Валерий Давыдов

**Я шёл всё время строго
на восток. Стихи о Камчатке**

«Издательские решения»

Давыдов В.

Я шёл всё время строго на восток. Стихи о Камчатке /
В. Давыдов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537147-8

Книга стихов о природе Камчатки и её людях, о любви к своей малой родине,
куда поэт постоянно приезжает из Москвы, где в настоящее время живёт.

ISBN 978-5-00-537147-8

© Давыдов В.
© Издательские решения

Содержание

Я шёл всё время строго на восток	6
Последний поэт Атлантиды	7
Паруса каравелл	9
Сент-Женевьев-де-Буа	10
Убили медведя	11
Жгут лососёвую икру	12
Ворона с флагом	13
Непогода	14
Я – жд дорога на Камчатку!	15
Снега благоухают чистотою	16
Снега камчатских январей	17
Пролетарии Земли	18
Последний рыбак	19
Чёрная метель	21
Кукушкины слёзки	22
Последняя осень	23
Бегут медведи с Сахалина	24
Улетаю	25
Три выхода	26
Мосты	27
Согжой	28
Метеорит	29
Снег и тюльпаны	30
Завис	31
Русский нерест	32
Долгая осень	33
На Камчатке сентябрь	34
Камчатка моя	35
Халактырский пляж	36
Яхта Рэдианс	37
Быстрое лето	39
Надоели	40
Ссылка	41
Землетрясение	42
Просто вернулся	43
Я возвращаюсь на Камчатку	44
Камасутра	45
Земля Усталости	46
Первомайское	47
Камчатский грешник	48
Сталкер	50
Камчадалочка	51
Горизонты	52
О белобоких и белоплечих	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Я шёл всё время строго на восток

Стихи о Камчатке

Валерий Давыдов

© Валерий Давыдов, 2021

ISBN 978-5-0053-7147-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я шёл всё время строго на восток

Я шёл всё время строго на восток,
Спидометр испортился в груди,
Но я поделаться ничего не мог —
Ещё пол-жизни было впереди.

Я бинтовал полотнами дорог
Босые от безденежья ступни,
Но кровь рябин забинтовать не мог,
Всю осень кровоточили они.

В конце пути я всё-таки прилёт.
Ну сколько можно, дайте отдохнуть!
Но я поделаться ничего не мог:
Уже пора идти в обратный путь.

И я дошёл бы может, видит Бог!
Принёс в кармане пригоршню монет,
Но я поделаться ничего не мог,
Из этого пути возврата нет

Последний поэт Атлантиды

Я – последний поэт Атлантиды!
Под ногами – пока ещё твердь,
Перед взором – чудесные виды,
А в душе – запустенье на треть.
Люди даже вокруг и не знают,
Что готовит грядущее им,
Что готова им доля иная
В круговерти из вёсен и зим.
Мне не хочется сон их нарушить
И не хочется бег задержать,
Чтобы их всеобъемные души
Не разъела до времени ржа.
Пусть бегут в эти тёплые зимы
И глядят свои вещие сны,
Где все беды проносятся мимо,
Как мгновения вечной весны.
Атлантида останется сказкой
И синонимом небытия,
Пусть о ней вспоминают с опаской,
Остальные поэты-друзья,
Раз она прозябает бездарно,
Ничего им, как будто, не дав,
Лишь названием высокопарным
Как Полярная светит звезда.
Я покуда один пострадаю
Над ужасною тайной своей,
Провожу журавлиную стаю
В те края, где не ждут журавлей.
Пусть она невозвратно утонет,
И меня за собой унесет,
Но в её атлантическом стоне
Вы услышите имя моё.
Может, я пережил Атлантиду
А, возможно, и собственно, смерть,
Чтоб на жизнь одного индивида
Как бы со стороны посмотреть?
Для меня это вовсе не сказка,
Не какой-нибудь заспанный сон,
Не пробитая пулею каска,
Что носить будто и не резон.
В крайнем случае, может быть, клапан,
Что у сердца поехал вразнос,
Уберите, пожалуйста, лапы,
И не суйте, тем более, нос!
И со скальпелем тоже не лезьте,
Раз страну мою трудно спасти,

Даже если попробовать вместе
В штормовом океане грести.
Мне она не настолько чужая,
Как у бывшего друга жена,
И не больше другим угрожает,
Чем любая какая страна.
Как поэт не держу я обиды
Даже за униженьё моё.
Я – последний певец Атлантиды,
Как я сам понимаю её.

Паруса каравелл

Паруса каравелл! Вами бредит огромное море,
Вы синонимом воли служили во все времена,
И пусть в трюмах в цепях появились невольники вскоре,
Это так получилось и в этом не ваша вина!
Паруса каравелл! Вы как белые крылья у чаек,
Вас полощут шторма, оттого белоснежно чисты,
Вы как будто упряжки красивых, породистых лаек,
Улетаете ввысь, обгоняя любые мечты.
Паруса каравелл! Что вам гимны и клятвы до гроба!
Вы такое видали, что стыла и кровь моряков,
Магеллан и Колумб, что на это вы скажете оба?
Впрочем, ваши слова не погасят огни маяков.
Паруса каравелл с моряками из кованой стали!
Им солёные брызги лечили тоску и хандру,
Только вряд ли узнаешь, о чём эти люди мечтали,
Если вахту стояли свою на знобящем ветру.
Паруса каравелл неужели запомнили гены,
Как запомнили рай и змею на запретном плоду?
Если только почувствую вкус обжигающей пены,
Значит больше назад я уже никогда не приду.

Сент-Женевьев-де-Буа

Схороните меня в эмиграции
Не на Сент-Женевьев-де-Буа,
Где бы в гроздьях душистой акации
Утонула моя голова,
А в краю, где цепляет туманами
Небосвод за кремнистый забор,
Где с поэтами я полупьяными
Бесконечный веду разговор.
Край стоит тот забытый, брошенный,
Как рубцовский последний удел,
Там любое лицо перекошено,
Там любой человек не у дел!
Перекошена, перекорёжена
Там любая людская судьба.
Наплевать, что не будет ухожено
Там моё Женевьев-де-Буа.
Наплевать, что там нету акации,
Наплевать, что жестка там трава.
Я домой еду как в эмиграцию,
Я имею на это права!

Убили медведя

Убили медведя, отрезали лапы,
Которыми мишка на трассе махал,
Простые водители – не из гестапо,
И зверь был обычный, не то чтоб нахал.
Сперва прикормили из жалости глупой,
А после убили из глупости злой,
А завтра приедут и сыщики с лупой
Над зверством безумным качать головой.
Бушует путина по речкам окрестным,
А мишка безлапый у Малок лежит,
Не нужно ему ничего, если честно, —
Ни наших подачек, ни нашей же лжи.
Мы лгали себе про коварство медведя,
А сами коварны ему не в пример,
Коварнее нет человека на свете
И в свете любых исключительных мер.
Водителей этих поймают, наверно,
Впяют, быть может, игрушечный срок,
Но только всех нас не отмоешь от скверны,
И что с нами делать, подумает рок.
Медведь – это символ Руси и России,
И лапы ему не пристало рубить,
Вы гвозди сперва вколотили мессии,
Безжалостны так же и так же грубы.
Китайцы за лапы за эти заплатят,
Они ими лечатся, чёрт бы побрал,
Навряд ли услышат камчатского плача,
Хотя он пойдёт, может быть, за Урал.
Москва, ты своих убиваешь медведей?
Европа, ты тоже им когти стрижёшь?
В Америку тоже китаец поедет
За лапами гризли иль эти – не трожь!?
Медведю-то нету до этого дела,
Который у Малок лежит, косолап,
И туша его как безрукое тело
Любого, кто так же доверчив и слаб.

Жгут лососёвую икру

Жгут лососёвую икру.
Вчера сожгли четыре тонны.
Ну а сегодня поутру
Я слышал лососёвы стоны.
Так немцы жгли чужих детей
В кино каком-то чёрно-белом,
Лосось достали из сетей
И вот сжигают между делом.
Милльон икринок, миллиард,
Не знавших радости рожденья,
Напрасно плакал старый бард
В пустых потугах песнопенья.
Напрасно плакала река,
Мальков утратившая свору
По воле злого дурака —
Рыбопромышленного вора.
Онкологический больной
Икру не ту в свой рот отправит,
Она не побеждает гной,
А нужной дать ему не вправе.
Амурских тигров шкуры жгут,
А браконьеров всё не меньше,
Их шеи не коснётся жгут,
Ну а другим их не изменишь.
Мы гастарбайтеров везём
Губить российскую природу,
Мы вывезли весь чернозём
И отравили в Волге воду.
Ну а теперь вот жжём икру,
Икру камчатского лосося.
Последнего, что замыкает круг,
В котором тонут все вопросы.

Ворона с флагом

На самых дальних подступах России
Ворона поднимает красный флаг.
Её об этом вовсе не просили,
И это вовсе никакой не знак.
Страна не на военном положении
И поля Марсова на Командорах нет,
Виновником же недоразуменья
Был вовсе не маркиз де Лафайет.
Обычная ворона на помойке
Сожрала целлофановый пакет.
Желудок же у падальщицы стойкий
И не знакомо слово «этикет».
Летит ворона, а за нею вьётся
Такой знакомый с детства красный флаг.
Такой же был на мачте броненосца,
Но что-то с ним в тот раз пошло не так.
Орёт ворона, не поймёт в чём дело,
Над островом описывая круг,
И полиэтилен не первой съела —
Случилось это не сказать, что вдруг.
Морские котики и даже кит горбатый
Набиты этой гадостью давно,
Но тем, кто в самом деле виноваты
Вдруг показали новое кино.
Ворона гордо реет над Никольским,
И Беринг шевельнулся под крестом,
И остров неуютным стал и скользким,
Да и ненужным никому притом.
И дрыгалки валяются, забыты,
Которыми тюленых самок бьют,
И дрыгается ржавое корыто
Со шконками внутри пустых кают.
Корова Стеллера, та вовремя исчезла,
А может, это лучше, чем позор:
Откинешь ласты и осушишь весла,
А вместо музыки тебе – вороний ор!
А ведь она ещё и Кутх, зараза,
По местному поверью – главный Бог,
Помилуйте, но ведь нельзя так сразу
Явить, насколько человек убог!

Непогода

На Камчатке сегодня туман,
А над ним непроглядные тучи,
Я схожу потихоньку с ума
Умереть было всё-таки лучше.
Впереди обещают циклон,
И второй, говорят, на подходе,
Я хожу по квартире, как слон,
И проклятия шлю непогоде.
Непогода – проклятье моё
И Камчатка – проклятие тоже,
Только я не могу без неё,
Без меня она тоже не может.
На бутылку с укором смотрю,
Не запить бы на пару с погодой,
Протрезвеешь едва к декабрю,
Ну а дальше пурга на полгода.

Я – жд дорога на Камчатку!

Я – ж-д дорога на Камчатку!
Скажете, конечно: – Нет такой!
Я тогда отвечу: – Спите сладко,
Я лежу в реальности другой!
В той реальности, где нету Крыма,
Длинного, ненужного моста,
У меня здесь собственное имя,
Собственные мощь и красота!
Я везу вас в новый центр планеты,
Как везли когда-то в Новый свет,
А в Крыму-то нового и нету,
Равное как, впрочем, и в Москве.
И Америка отсюда ближе —
Новые торговые пути,
Что мы этот Крым всё время лижем
И не можем от него уйти?
Вам зачем, скажите, эти Сочи?
Геополитический тупик!
Путь, бывает, кажется короче,
Но – трясина, где ни наступи!
А Камчатка, братцы, это воля —
Я скажу под стук своих колёс,
Встретит если и не хлебом-солью,
То хотя бы рыбой – не вопрос!
Пусть Москва останется за гранью —
Как забытый призрачный туман,
Я же вас однажды утром ранним
Отвезу на Тихий океан!

Снега благоухают чистотою

Снега благоухают чистотою,
Пушистые камчатские снега.
В сравненье с ними ничего не стоят
Воспетые поэтами юга.
Без юга можно жить и год и больше,
Без севера – попробуй, проживи!
А если же не год, а много дольше,
Случатся изменения в крови.
А главное, что измененья в сердце,
Которое разучится любить,
Ты оставляй всегда открытой дверцу,
Не рви последнюю живую нить.
Вот выйдешь ты в январь в тоскливый Сочи,
Захочешь рухнуть в чистый белый снег,
А упадешь в ухоженный песочек,
Что так устал от неуёмных нег.
Или в Париже брякнешься на камни,
Которые шампунем моет негр,
Которого зовут, наверно, Гамлет,
И он не знает, что такое снег.
А если где ещё упасть захочешь,
То бесполезно это, так и знай,
Беги домой скорее что есть мочи,
Пока ещё снега живут во снах.

Снега камчатских январей

Во сне мне заматают душу
Снега камчатских январей,
Через одну шестую суши,
Через листки календарей.
Через проблемы со здоровьем,
Через бесславье и тоску,
Через морщину, что над бровью,
Через надгробную доску.
Метут снега над головою,
Шумят в ушах, слепят глаза,
Я вместе с ними тихо вою,
И тихо катится слеза.
А просыпаюсь – грязь и слякоть,
Московских будней скорый ход,
И некогда уже поплакать
Мне над собой который год.
Хочу туда, где не зазорно
Не то, что плакать – волком выть,
И волком быть где не позорно
И человеком можно быть.
Хочу жениться на корячке,
Хочу прослыть за своего,
Хочу блевать в прибрежной качке
И не бояться ничего.
Мне снова заматают душу
Снега камчатских январей,
А я уеду, я не струшу,
Дождаться б только поскорей.

Пролетарии Земли

Вулканы – пролетарии Земли
И выпускные клапаны планеты,
Как ты и я всё время на мели,
И с похмела немножечко при этом.
И курят «Беломор», любую дрянь,
От «Примы» до уже забытой «Шипки»,
И просыпаются как ты в любую рань,
И допускают разные ошибки.
Сейсмографы ломают, что ни день,
Срамят псевдонаучные прогнозы,
То на века уходят будто в тень,
То создают какие-то угрозы.
Чадят, конечно, что греха таить,
Смердят вонючим серо-водородом,
А не смердя попробуй-ка прожить,
Родили если таким уродом!
Вулканы – как камчатские бичи,
Их столько, что не сразу сосчитаешь,
И все как будто из одной печи —
Одни потухли, а другие – тают.
Но дунет ветер и раздастся треск,
Воспламенится и холодный уголь,
И искрами покроет всё окрест,
И всем окрестным будет очень туго.
Я сам, признаюсь, тот же самый бич,
Вулкан камчатский, хоть и из потухших,
Не избежавший общей здесь судьбы,
Подслеповатой и тугой на ухо.
Но вы напрасно плюнули на нас,
Мы зашипим совсем не так, как печка,
Огонь в груди вулкана не погас,
И он совсем не бедная овечка.
Мой тип – Везувий, есть и пострашней,
У пролетария всегда своя «Аврора»,
И холостые пушки ли на ней
Узнаете вы после приговора.
Пока дымим, трясём, порой, слегка
Окрестности своей родной Камчатки,
Она на вашем горле как рука,
И если что – бегите без оглядки!

Последний рыбак

Я последний рыбак на планете,
Где и рыбы почти уже нет,
И её современные дети
Если ловят, то только во сне.
Или есть ещё способ похуже —
В ресторане огромным сачком,
Чтоб зажарили рыбу на ужин
С только-только потухшим зрачком.
А я помню огромные тралы
И огни промысловых судов,
Их сегодня почти что не стало
У причалов морских городов.
Только сивучи кучей скучают
Там, где раньше стоял СРТ,
И лениво зевают на чаек
В первозданной своей красоте.
Им и памятник нынче построят,
Ну а наши уже не нужны,
И не мы уже нынче герои
У забывшей героев страны.
Мы кого-то кормили, спасали,
Рисковали своим кораблём
И сидели на нерпичьем сале,
Чтоб от нас откупились рублём.
Мы рубли эти в мячик скатали
И гоняли в футбол в кабаке,
Люди из нержавеющей стали,
С якорями на каждой руке.
Мы любимых во сне лишь видали,
Да и то разве в море заснёшь,
Растворяясь в сиреновой дали,
И любовь превращается в ложь.
Мы с ума в этом море сходили
И срывались за борт с лееров,
Различая застывшие в иле
Силуэты других сейнеров.
Я последний рыбак на Камчатке,
Как последний на свете лосось,
Напоследок, быть может, печатку
Мне в ломбард отнести довелось.
Попрощаетесь с диким лососем,
Как с последним своим рыбаком,
И останетесь с вечным вопросом:
Для чего мы на свете живём?
Для чего были жертвы и штормы?
Для чего прерывали ремонт?

Для чего шили чёрную форму
С вензелями рыбацких погон?
Неужели всё было напрасно?
Неужели погибли мы зря?
На востоке путиною красной
Рыбака провожает заря.

Чёрная метель

Если даже синие метели
Не сломали голубую ель,
Жди на смену этой канители
Чёрную камчатскую метель.
Синий цвет – Москвы и переулков,
Чёрный – от Урала на восток,
Там и свет другой и голос гулкий,
Из цветов – лишь каменный цветок.
Синие московские метели
Видятся отсюда дивным сном,
День, когда сюда вы прилетели,
Будет самым чёрным вашим днём.
Материк теперь вам станет сказкой
Летом и особенно зимой,
Будете отсюда строить глазки —
Будто бы глухой или немой.
Чёрные камчатские метели
Вам теперь заменят кругозор,
Здесь не отмечают дни недели
И не держат это за позор.
Что останется в сухом остатке —
Кроме водки и сухих пайков?
Разве только вера, что Камчатка —
Место отпущения грехов.

Кукушкины слёзки

Отрыдали кукушкины слёзки,
Отшумели камчатские дни,
Промелькнув тёмно-синей полоской,
Океан растворился вдали.
Шереметьево мутные лужи
Пассажиры штурмуют гурьбой,
Каждый третий разбит и простужен
И унижен проклятой судьбой.
По соседству в другом терминале
Разодетые франты снуют,
Им такси то и дело сигналият
И увозят в привычный уют.
Ну а мы по привычке шнурками
Через плечи связав башмаки
По воде пробегаем рывками,
Будто бы партизаны в маки.
Позади нас остались вулканы
И шторма, и циклоны внахлёт,
А в Москве нам камчатские раны
Снова дождь зализать не даёт.
Может быть запропавшее солнце
Завтра снова обрадует глаз,
Будто мячик у Хаби Алонсо
Перепрыгнув обратно Кавказ.
Мы бы сами за ним полетели,
Только Сочи не в планах пока,
Ждать у моря погоды недели,
Впрочем, нам уже не привыкать.
Ждать судьбы повороты крутые,
Как просветы в тумане и мгле,
И считать, что лучи золотые —
Всё что есть у тебя на земле.

Последняя осень

Для меня здесь последняя осень —
На Камчатке – последний сезон.
Покраснели от горя лососи —
Им от счастья краснеть не резон!
Что за радость нырять в водопады
И грести плавниками песок,
Чтобы у браконьерской засады
Испускать окровавленный сок?
Что за радость сквозь плотные сети
Продираться опять и опять,
А лососи как малые дети
Позволяют себя обижать!
Мы для них лишь животные просто,
Что питаются красной икрой,
И, наверно, огромного роста
Из воды мы им мнимся порой.
Мы же – карлики, но с острогами,
И с сетями, что те пауки,
Нерестилища топчем ногами —
Нам укладки беречь не с руки!
А лососи от горя издохнут —
Им на это смотреть не дано,
Лишь экологи тяжкие вздохи
Испускают напрасно давно.

Бегут медведи с Сахалина

Бежал бродяга с Сахалина,
Не каторжанин, а медведь.
За лето похудел, детина,
На четверть или же на треть.
Лосося выловили, гады,
Горбуша вовсе не пришла,
Зима в преддверье листопада
На листья наложила лак.
Грибы в глухих углах медвежьих
Остались, и брусники чуть,
И мухоморы... Только съешь их
И сразу же потянет в путь.
В Сибирь, а лучше – на Камчатку,
Где, может быть, лосося есть,
Окажется и там не сладко —
То зверь отважится на месть.
Пойдёт в посёлки, на турбазы,
Пойдёт в большие города,
По девять экземпляров сразу
Там видели их иногда.
Скажи, Амур, скажи Камчатка,
Скажи, чудесный Сахалин,
Как вы дожили до упадка
Своих лохматых животин?
Падёж медведю обеспечен —
Ему в берлогу не с чем лечь,
Не будет зверь бесчеловечен
Без человека на Земле.

Улетаю

Улетаю. Опять улетаю.
И опять как всегда насовсем.
Вот такое желание в мае
Возникает почти что у всех
Здесь живущих – на краешке света,
И у целой Земли на краю,
Почему, отчего – нет ответа,
Надоесть может даже в раю.
Да и здесь и не рай, если честно,
А всё больше похоже на ад,
Впрочем, тут обсуждать неуместно,
Как нельзя осуждать снегопад
Или дождь, или слякоть и сырость,
И негожую розу ветров —
Со времён сотворения мира
Человек выбирал себе кров.
Так вот выбрал и я, не жалея,
Но весной становлюсь на крыло,
Небосвод на востоке алея
Будет томно-прекрасен назло.
Прилечу, видно, в зимнюю стужу,
Когда нечего будет смотреть,
Сберегу тем бессмертную душу,
Пусть не всю, так хотя бы на треть.

Три выхода

Над тобою проклятие дедово
Как нависший домокловый меч?
Поезжай на такси в Домодедово
В ожиданье волнительных встреч.
Если нет ни второго, ни третьего
С кем ты мог бы бутылку распить,
Поезжай на такси в Шереметьево,
Вон из так надоевшей избы.
Раз любовь обернулася мукою,
Разве мукой должна быть любовь?
На такси отправляйся во Внуково,
Только раз на такси не слабо.
Ну а если слабо – на автобусе,
На маршрутке и даже пешком,
Там отыщется место на глобусе,
Где гулять можно и босиком.
Где все девушки милые, стройные,
А погода как в книжном раю,
Где с гражданскими кончили войнами,
И гражданские где не в строю.
А пророчества если не сбудутся,
И не только во снах, наяву,
Не мечись между прошлым и будущим,
Возвращайся обратно в Москву!

Мосты

Навесьте мост на Берингов пролив,
А на худой конец тоннель постройте,
Хватайтесь за руки прибрежных ив,
И пусть встречаются где-нибудь в Детройте.
Навесьте мост на Обь или Амур,
На Енисей, на Лену или Каму,
Глядишь, и жизнь начнётся по уму —
Без нашего сегодняшнего сраму.
А после и на остров Сахалин,
И на Хоккайдо, так и быть, навесьте,
И поезд будто журавлиный клин
Помчится на восток с благою вестью.
А там, глядишь, и через Гибралтар,
И через Нил, и через Амазонку
Поедут по планете млад и стар,
За счастьем ускользящим вдогонку...
Пусть побегут весенние ручьи,
И дети пусть на них мосты навесят,
И станут сразу берега ничьи,
И общими все города и веси!
И пусть какой-то местный хулиган
Своей калошей этот мост разрушит,
Мы – дети изо всех окрестных стран —
Уже свои сюда вложили души!
И восстановим, нам не привыкать,
Холодная вода пусть сводит пальцы,
Пусть говорят, что наша жизнь как гать
И мы в болоте этом постояльцы.
Нам, может, оттого нужны мосты,
Как никому на целом белом свете,
Что помыслы прозрачны и чисты,
Как те ручьи, в которых мокнут дети.

Согжой

Я северный олень камчатской тундры,
И наст порвал мне камус на ногах.
Пухляк на кровь ложится вместо пудры,
И кровь блестит икрою в ястыках.
Домашним пусть собаки это слижут,
Мне только волки разве что друзья,
Идут по следу и они всё ближе,
А след – кровавый и спастись нельзя.
Согжоя жизнь короткая, как песня.
Зато в кораль меня не заманить,
Жить на свободе много интересней,
Пусть даже жизнь и тонкая, как нить.
Разбрасывая ястыки по снегу,
Ползу, будто горбуша в рунный ход,
Как будто бы в конце наступит нега,
Но знаю, будет всё наоборот.
Хотя для неги всё вокруг готово:
Апрель камчатский заявил права.
И станет тесно в речках нерестовых,
И пусть природа не для всех права.
Как для лосося, что уйдёт по гальке,
Исполнив свой последний в жизни долг,
И тундра снимет этот путь на кальку,
Чтоб приложить к следам усталых ног.

Метеорит

Метеорит взорвался над Камчаткой,
А может быть какой-то НЛО,
Я из окна с утра смотрю с украдкой,
Чтобы взрывной волною не смело.
Вчера здесь долбануло изверженье,
Покрыло пеплом Командоры все,
И я сижу в таком изнеможенье,
Как будто бы полгода на овсе.
А я два года на одном лососе,
На крабах, разных прочих гребешках,
Запутался в одно простом вопросе:
Сижу я здесь на совесть или страх?
Мой мозг усвоил все морепродукты,
Промылся минеральной водой,
Наверное, пора туда, где фрукты,
Туда, где я слонялся молодой.
Ну что за жизнь: извечные скитанья,
То чересчур спокойно, то трясёт,
Застой перемежается восстаньем,
И в результате надоело всё.
Приятель из Берлина зло смеётся:
После Камчатки делать будешь что?
А что там делал перед смертью Моцарт?
И сравнивал ли жизнь свою с мечтой?
Навряд ли, просто взял, наверно, скрипку,
И что-то необычное сыграл,
В предсмертной маске выдавил улыбку,
Как символ победившего добра.

Снег и тюльпаны

Снег и тюльпаны: так разве бывает?
Пламя и белая хрупкая стынь.
Снег выпадает в России и в мае,
Где распускаются дети пустынь.
Что занесло их в холодные вёсны,
Кто их воткнул в подготовленный грунт,
Где у реки кровоточили дёсна,
Будто бы мёрзлую ела икру?
Красные, жёлтые – так невозможно,
Этих цветов быть вокруг не должно,
И оттого-то на сердце тревожно,
Тянет уснуть летаргическим сном.
Белое, синее – это привычно,
Это положено и навсегда,
Красною станет в июне чавыча,
Та, что в ставные придёт невода.
Жёлто-оранжевой будет огнёвка —
Через полгода откроют сезон,
Дамам камчатским на шею обновка,
Тем, что в естественном видят резон.
Южным цветам на Камчатке ли место —
Тут рододендроны и эдельвейс?
Что там дороже – Париж или месса,
Ты у тюльпанов не спрашивай здесь.
Просто прими их как некую данность,
Эти цветы по колено в снегу,
Пусть этот снег как небесную манну
Примут на пару с тобой на бегу.

Завис

Я исчез в пространстве. Я завис
Где-то над рекою Берелёх.
Мне друзья сигналият: отзовись!
Или ты не в шутку занемог?
Да здоров я, как вам объяснить?
Просто прикорнул я у костра,
Обгорела тоненькая нить —
Вот я и в безвременье застрял!
Заплутал над бездной самолёт,
Ну нельзя гонять туда-сюда!
И на крыльях нарастает лёд,
Если вместо воздуха вода.
Если вместо воздуха – туман
Или перьевые облака,
Те, что будто бы сойдя с ума,
Из иллюминатора лакал.
Я завис в пространстве и пропал,
Вылетел и вот – не долетел,
Только солнца огненный опал
Между жёлтых и размытых тел.
Впрочем, солнце – это лишь туда,
А обратно – так, не солнце – пшик,
Если и Полярная звезда,
То всего лишь на какой-то миг.
Я в полете вечном отощал,
Обнищал карманом и умом,
И Россия так же вот нища,
Будто мы летаем с ней вдвоём.
Будто мы уже не победим,
И не разорвём порочный круг,
И оставим все победы им,
Всё на свете выпустив из рук.
Улетаю снова и опять,
И вулканы снова за бортом,
Сколько их – четыре или пять?
Сосчитаю как-нибудь потом.

Русский нерест

Я – лох! Отнерестившийся лосось.
Меня не нужно даже брать на спиннинг.
Всё у меня внутри оборвалось,
Виски посеребрил предсмертный иней.
У слова «лох» сегодня смысл иной.
Но я не стану долго препираться,
Не в силах если совладать с судьбой,
То я готов вступить с лохами в братство.
В лохах у нас сегодня вся страна.
Россия – лоховатая держава.
Отнерестилась лохами она,
И называется теперь такой по праву.
Мы – словно полудохлые мальки
Скатились в океан совсем не тихий,
И не увидеть нам родной реки,
Где нерестились мамы-лососихи.
Прошёл наш лососёвый рунный ход,
И трупами мы завалили реки,
Как будто ныне сорок первый год,
А мы на фронт отправленные зеки.
А лохи – это те же фраера,
И те же добровольцы и пехота,
Нам остаётся лишь кричать «Ура!»
До одури и до кровавой рвоты.
Ура, Россия! Ты опять в беде.
И мы опять тебе помочь не в силах.
Мы умирали за тебя везде,
По всей планете русские могилы.
На небе тоже, видно, есть лосось,
Который мечет над Россией звёзды.
Им до утра дожить не довелось,
Погаснуть утром никому не поздно.

Долгая осень

Долгая осень московской печали,
Долгая осень, короткая жизнь.
Птицы давно уже все откричали
И заложили свои виражи.
Долгая осень в Москве, на Камчатке,
Значит, в России везде листопад,
Может, дела у неё не в порядке,
Ежели листья так долго летят?
Жирные утки в замёрзшем бассейне,
Что не хотят никуда улетать,
Каждая – будто бы маленький сейнер,
Трал кошельковый спустивший с борта.
Листья вокруг как погибшая рыба,
Та, что валила на берег гурьбой,
Что тут поделать, и вы не смогли бы
Выиграть в схватке с такою судьбой.
Долгая осень – не бабье лето,
Где громыхал тишиной листопад,
Осени этой другие приметы —
Все несуразны и все невпопад.
Дятел в кормушке у юрких синичек,
Будто бы я на Камчатке весной
Зёрна ворую у маленьких птичек,
Словно какой-то разбойник лесной.
Листья, застрявшие в стриженных кронах,
И подозренье – а вдруг подожгут?
Осень – синоним большого урона,
Долгая осень – как жизнь на бегу.
Долгие дни золотых листопадов,
В каждом ручье самородки рыжья,
Вы бы спросили – а мне это надо
Или ослепну от этого я?

На Камчатке сентябрь

На Камчатке сентябрь, для меня здесь последняя осень,
Хоть и слово «последняя» слишком привычно звучит,
Не снимает камчатская осень проклятых вопросов,
Что как тихие стоны повисли в туманной ночи.
Эти стоны шуршат под ногами опавшей листвою,
И в приливах морских, и у яхты в тугих парусах,
И порой не понять, может, сам я тихонечко вою,
Будто воздух в натянутых сверх всякой меры тросах.
Мне Камчатка не в тягость, не в тягость плохая погода,
Дело в том, что я с детства не знаю погоды другой,
Только пальцы не держат бегущие струйкою годы,
Как штурвал не удержишь уставшей от вахты рукой.
Здесь бушует путина, похожая на извержение,
И лососи как будто сошли напоследок с ума,
Я как этот лосось рухну где-нибудь в изнеможенье,
Словно преодолев бесконечный камчатский туман.
Эти мокрые брызги, что ветром по суше разносит
Буду долго ещё ощущать на горячем лице,
И как старый моряк, что на берег вернулся под осень,
На распросы родных проворчу: «хорошо ещё цел!»

Камчатка моя

(на мотив «Деревеньки»)

Камчатка моя, ты как парта последняя,
Я как второгодник сидел за тобой,
И образование неполное среднее
Я там получил, не поладив с судьбой.
Родная моя, ледяная и снежная,
Крутую позёмкой меня обожгла,
Я знаю душой ты по-прежнему нежная,
Не будешь держать ни обиды, ни зла.
Мне скоро в дорогу, обратную дальнюю,
Но я не для галочки ездил сюда,
Кто если не ты надо мною бы сжалился,
Прощаясь, наверно, уже навсегда.
В деревни свои вы езжайте автобусом,
Попутной машиною и на такси,
А мне словно циркулем бегать по глобусу,
Следя, чтобы он не сорвался с оси.
Камчатка моя, по фамилии девичьей,
Так замуж не вышла ты ни за кого,
С тобой в кедраче мы пощёлкаем семечки,
А больше не нужно тебе ничего.
Пусть аэропорт под вулканами съезжится,
Пусть где-то над бухтой погаснет маяк,
И пусть полоснёт на прощание ножиком
Родная до боли Камчатка моя.

Халактырский пляж

Одинокая грустная мина
Отдыхает на пляже морском,
На Камчатке бушует рябина
Контрастируя с чёрным песком.
Океанские синие волны
Не доходят до мины едва,
Ручеёчек, горбушею полный,
Тут таких не один и не два.
И грибов накидало за пляжем,
Голубики и ягод других,
И кусты разноцветным плюмажем
Из павлиньих хвостов дорогих.
А на пляже – учебная мина
Притаилась у самой воды,
Безопасна, как зёрнышко тмина,
Но с которой не будешь на ты.
И «Уралы» грохочут по пляжу,
Боевой совершая обход,
И колючая проволока даже,
И ежи, и взправдашний дот...
Мне не хочется больше грибочков,
Княженику – возьмите себе,
И набейте горбушею бочку,
Чтоб икра прилипала к губе.
Я живу возле сопки Мишенной,
Знаю, где ожидают десант,
Океанской омытые пеной
Где появятся роты солдат...
Я и сам – одинокая мина,
Что забыта на том берегу,
Одинокий, как брошенный инок,
И тропинку свою стерегу.

Яхта Рэдианс

Андрею Семиколенных

Как Лермонтов пишу про белый парус,
Про яхту и про остров СтаричкОв,
Иль СтАричков – название досталось,
Наверно, от кого из моряков.
А может птичка – есть такая – стАрик,
Летает в Калифорнию зимой,
Но мне милее больше корень старый,
И я согласен – грех тут будет мой.
Здесь каждый мыс – забытая могила,
Какой-нибудь английский адмирал,
Который тут когда-то тоже сгинул,
Когда Камчатку с флотом покорял.
Здесь каждый мыс – творение природы,
Которое в буклеты не внесли,
И не внесли в поэмы или оды,
И не назвали в честь их корабли.
Бесхитростных названий тоже много:
Там Тихая, а Гротовая – тут,
Идём как-будто мимо осьминога,
Везде стоим по несколько минут.
И ловим рыбу, если хода нету —
Вояки если перекрыли ход,
Здесь их слова за чистую монету
Готовы принимать из года в год.
Пусть охраняют мир от супостата,
Мы в Тихой лишний часик постоим,
И камбалу оставим виноватой,
И сделаем мы даже ручкой им!
И – волны океанского разлива,
Чем встретил нас Авачинский залив!
И небо, потемневшее, как слива,
И море, что темнее всяких слив!
И белые над волнами барашки,
И яхта, что втыкает в них свой нос,
По нашей коже бегают мурашки
Размером с длинных полосатых ос.
Кому там били в борт морские волны?
Я вам скажу, что это ерунда:
Конец придёт решительный и полный
Как только лишь ударит в борт вода.
Нос на волну – вот главный из законов
На яхте, в жизни или на войне!
И фото этой яхты как икону,
Пожалуйста, вы подарите мне!

Нос на волну – а дальше будь, что будет,
Хоть Тихая, хоть Тихий океан!
Нос на волну всегда держали люди
Из тех, что покорили много стран.
А нос по ветру – это не про этих,
И против ветра – тоже не про них,
Наш капитан* за всех за нас в ответе,
А так никто и не допишет стих!
Калан нас в бухте Гротовой приветил,
Что захотел на яхту поглазеть,
Им интересно всё на этом свете,
Лишь только бы не жаберная сеть.
И браконьеров тоже мы встречали:
Куда без них – опасен человек!
Но только не прибавилось печали,
Как и волос седых на голове.
Морские ветры дуют прямо в душу,
И продувают всю её насквозь,
И я свою измученную тушу
Готов любой тянуть заставить воз!

*Капитан яхты «Рэдианс» Андрей Семиколенных
умер в Петропавловске-Камчатском 12 мая 2020 г.

Быстрое лето

Быстрое лето —
как быстрая пуля,
Быстро мы лето с тобою спугнули,
Шли торопливо, бежали вприпрыжку
Нам же казалось, что быстро не слишком!
Так бы любовь мы свою проглядели,
Чтоб не любовь оказалась на деле,
А лишь мгновенье
меж правдой и ложью,
Тем, что смахнули мы неосторожно.
Этих мгновений немного по жизни,
Нежных, подвластных
движеньям капризным,
Что как камчатское лето проходят,
Что вспоминаем мы долгие годы.
Долгие годы без яркого света,
Пусть пожелают вам долгие лета,
Пусть пожелают вам яркую осень —
Быстрое лето не снимет вопросов!
Быстрое лето камчатских сезонов
Мне прилетать сюда мало резона,
Если случилась любовь на Камчатке,
То не становится менее сладкой!
И не становится более быстрой,
Как холостой,
невзаврадашний выстрел.
Быстрое лето с судьбой разминулось,
Скрипнуло, будто бы спинка у стула,
Только не стул это, а позвоночник
Ссыпался звёздами летнею ночью.
Это хребет у всего мироздания —
Быстрое лето —
одно лишь название!
Быстрое лето и долгое счастье —
Карты порой одинаковой масти.

Надоели

Надоели белые и красные.
Нужно что-то новое уже.
Но потуги наши все напрасные:
Ходим мы в идейном неглиже.
Повенчали ворона с жар-птицею,
Получив двуглавого орла,
Не понять, куда сейчас стремится он,
Или просто хлещет из горла.
Патриархи вместе с комиссарами
Опротивели изрядно нам,
Ходят нынче по Лубянке парами,
Будто мы их не послали на...
И зачем нам эти революции,
Если призраки приходят вновь,
И хотят Стамбул отнять у Турции
Или Крым, что, в общем, всё равно.
Расстреляли мы семейку царскую,
И прогнали мы большевиков,
Неужели Минина – Пожарского
Снова звать из глубины веков?
Неужели смута надвигается
И поляки двинули на Кремль?
Будто краснобашенные аисты
Не выходят из старинных дрем.
Нет в России ни Христа, ни Ленина,
Словно бы её оставил Бог,
И, гляди, родится поколение,
Где любой ущербен и убог.
Он и мать с отцом за двери выставит,
Друга и любимую продаст,
Представитель партии неистовой —
Либеральный русский педераст.

Ссылка

Я в ссылке. Я в камчатской ссылке.
Куда там Пушкину А. С.!
Как будто выстриг на затылке
Мне кто-то арестантский крест.
А может, даже похоронный —
С удобной полочкой для ног,
И я одной ногой на оной
И ровно так же одинок.
Киваю стриженным затылком —
Со всем согласен, всех простил,
Бывал порой чрезмерно пылким?
Да это, братцы, просто стиль!
Поэты все любвеобильны,
Но больше, правда, на словах,
А на делах не так мобильны,
Чтоб каждый носик целовать.
И целовать курносый носик,
И петь фальцетом чёрте что,
А жизнь порой задаст вопросик —
Как по коленке долотом!
Ответ ищите на Камчатке
Или в верховьях Колымы,
Не оставляя отпечатков
На покрывале вечной тьмы.
А можно также на Кавказе —
Хоть в Дагестане, хоть в Чечне,
Там орден в именном указе,
Наверно, выписали б мне!
А ежели не нужен орден
Посмертный, что само собой,
То просто разбиваешь морду,
Спеша вперегонки с судьбой.
Вперегонки или вдогонку,
А может, рельсов поперёк,
И вместо водки – самогонку,
Когда отыщешь пузырьёк.
А ежели совсем непьющий
Или до женщин неохоч,
Иль нечто любящий их пуше,
Когда любить уже невмочь,
Тогда и едешь на Камчатку,
И на затылке – лысый крест,
И ничего в сухом остатке
На миллионы вёрст окрест.

Землетрясение

Нас извлекут из под обломков
Камчатских битых кирпичей,
Под чей-то плач не очень громкий,
Как над могилою бичей.
И сложатся пятиэтажки,
Как будто домики из карт,
Сейсмолог если даст промашку,
Не будет сильно виноват.
Мы сами выбрали Камчатку,
Квартиру с видом на вулкан,
И, в общем, было всё в порядке,
Как у последних могикан.
Трясло и раньше, попривыкли,
Гордились даже, что трясёт,
И говорил «уж лучше вы к нам!»
Весь остальной честной народ.
Мы ждали, что наступит время,
Когда придёт и наш черёд,
Всю жизнь носили это бремя
И знали, что не пронесёт.
Сейсмоустойчивые души
В кусках армированных плит,
И над растерзанною сушей
Небесно-синий монолит.

Просто вернулся

А я не разговаривал – вернулся,
Хотя ни клялся и не обещал,
И ногу в щель не всовывал дверную
С повадкой заезжего хлыща.
Не распалял себя на этот подвиг,
А просто взял, да и свалился вниз,
Брал по одной, а покупаю по две,
Такой вот неожиданный сюрприз.
За это, знаю, ждёт меня расплата,
Когда подступит к горлу тошнота,
Но родина навряд ли виновата,
Хоть смерти попроси, хоть живота.
Дымят кругом красивые вулканы,
И лето разгоняет облака,
Меня не притащили на аркане,
Я сам пришёл сюда издалека.
Хожу и не особенно скучаю
По звёздам неуёмного Кремля,
Под крыльями больших камчатских чаек
Ничем не хуже русская земля.
А может быть, окажется и лучше,
Быть может где-то рядом пуп земли,
Есть на Земле такой кусочек суши
Куда прийти стремятся корабли.

Я возвращаюсь на Камчатку

Я не хочу в Москву, ну хоть убейте!
А надо бы хотеть на материк!
Вбивали постоянно мысли эти,
И оттого тут каждый к ним привык.
А я лечу обратно – всем навстречу
И как лосось ныряю в водопад,
Переползаю перекаты речки,
Не оглянувшись ни на миг назад.
Я возвращаюсь на Камчатку, братцы,
Не чувствуя при этом, что герой,
Я возвращаюсь, чтобы тут остаться,
Вот так мы возвращаемся порой!
Я местный, ну и что со мной поделать,
И генный путь мой предопределён,
Здесь даже снег не по-московски белый,
И падает не по-московски он.
Меня не упрекнут, что я «свалился»,
Ну, камчадал, и что с него возмёмшь!
Предвижу удивление на лицах:
Чего я ошетинился, как ёж?

Камасутра

Камчатка – это тоже камасутра,
И с вечера в том смысле, и с утра,
И здесь живя, я поступаю мудро,
Хотя бежать давно уже пора.
Но солнце я могу рукой погладить,
Оно встаёт здесь – верь или не верь,
Не обойти ни спереди, ни сзади,
И не войти как в запертую дверь.
Я запечатан солнцем, будто пломбой,
Кроваво-красным стуктом сургуча,
Сюда упал я водородной бомбой,
Пусть даже впопыхах и сгоряча.
И не упал скорее, а свалился,
И даже «с добрым утром!» не сказал,
Нырнул как в детстве головою с пирса,
Забыв закрыть от ужаса глаза.
Но ничего: Камчатка как Камчатка!
Чудес немного, разве только сны...
Я убежал от солнца без оглядки
И каждым утром возвращался с ним!

Земля Усталости

У вас черешня на подходе,
у нас – камчатская зима,
ты можешь жить в своём народе,
но только не сойди с ума.
У вас там Крым или Флорида,
у нас с утра – сопливый снег,
и жизнь, как будто бы коррида,
где ты и бык, и человек.
Давно тут люди попривыкли
к землетрясениям, снегам,
не Колыма, но лучше «вы к нам»,
к благословенным берегам.
Ругать Камчатку не пристало,
а больше принято хвалить,
но почему же так устало
гляжу я на её гранит?
И предки, что сюда сослали,
глядели так же на неё,
прошли через собачьи лаи,
с отливом синим вороньё.
Земля усталости российской
и человеческой вообще,
где все живые – в чёрном списке
и каждому предъявлен счёт.
Камчатка – скважина дверная
американского замка,
но ключ где – я о том не знаю,
и это тайна на века.
Он есть, волшебный этот ключик,
лежит в каком-то сундуке,
в каком – гадают весь Вилючинск
у капитанов по руке.
Не капитанов – командиров
больших подводных крейсеров,
извечных русских мойдодыров,
что ставят только на зеро.

Первомайское

Всегда гроза в начале мая приятнее, чем снегопад,
Есенину не надо рая, но он не видел этот ад!
Конечно же, не ад кромешный
– просветы в тучах всё же есть,
Но не испытываю нежность и созревает в сердце месть.
Я отомщу родному краю – уеду отдыхать на юг,
Где денег, правда, взять не знаю, что усложняет месть мою.
Но я уеду. Надоело. Ну сколько можно пурговать?
Хотя и не в погоде дело, о ней мы говорим сперва.
Ну, помечтали и – за дело: за мир, за труд и даже май,
Косноязычно, неумело, но только, знаешь, не замай!
Мы разгребаем снег лопатой и долбим лёд её штыком:
Ни перед кем не виноваты и не жалеем ни о ком.
Зима на сердце у России, ну не сказать, конечно, смерть —
И что вокруг заголосили, как будто не в своём уме?
Я сам почти мертвец со стажем, в который раз уже убьют?
Жива, мертва – по мне всё та же, и – дайте родину мою!
А что до юга – то простите, ну кто о юге не мечтал!
И наш духовный предводитель вознёсся с вечного креста.
И тут, глядишь, придёт мессия в просвете между облаков,
Ведь кто-то ворожит России на протяжении веков!

Камчатский грешник

Если ты родился на Камчатке
и при этом сильно нагрешил,
то рискуешь жизненный остаток
в той же самой провести глуши.
Я про жизнь не знаю после смерти,
старость – это самое и есть,
попугай мне вытащил конвертик
на Камчатке до конца осесть.
На краю земли у края жизни!
Ну скажите – разве не мечта?
Умирать положено в отчизне,
даже если это неспроста.
Я хожу, как нищий оборванец,
улыбаюсь искривлённым ртом,
и какой-то ительменский танец
я готов изобразить притом.
Ах, Камчатка! Дьявольское место!
Щиплет веки сероводород,
здесь и люди из другого теста,
всё пропащий в основном народ.
И не нужно никакой Голгофы,
если есть Авачинский вулкан,
где-то там на свете петергофы,
здесь – до горизонта океан!
Грешники в тельняшках и бушлатах
день и ночь на леерах висят,
и не почтальоны виноваты,
если выбывает адресат.
Здесь железной не было дороги,
если честно, и обычной нет,
а посёлки – бывшие остроги,
как в забытой Богом стороне.
Я пляшу свой ительменский танец
у земного диска на краю,
солнце тянет свой протуберанец,
как змею в адамовом раю.
Будто бы объелся мухоморов —
это вам не плохо закусил!
Как певец, который пел о море
и внезапно выбился из сил.
Я простой камчатский бич и грешник,
места нет для нового клейма,
Все мои попытки безуспешны,
лишь бы только не сойти с ума.
А сойду – тут рай для сумасшедших,
тут один сплошной немой восторг,

губернатор как безумный фельдшер
указует дальше на восток.

Сталкер

Я пишу про Камчатку плохие стихи почему-то,
А быть может от долгой зимы я смертельно устал.
И не радуется даже апрельское светлое утро,
И сосульки, которые светятся будто хрусталь.
Мне опять не хватает проклятой московской толкучки,
И прогорклого воздуха древней столицы моей,
Волочусь за Москвой, как кобель за весеннею сучкой,
И готов как собака в глаза я заглядывать ей.
Не сказать, что не знал, что такое со мною случится,
Только всё же надеялся – может быть и пронесёт!
Так мечтают о севере все перелётные птицы,
И не думают что предстоит им обратный полёт.
Но пора собираться, дорога пусть даже на запад,
Но зато вместе с солнцем – оно не остынет в пути!
И покажется мне будто я оборвался с этапа,
Хоть с подобных этапов навряд ли возможно сойти.
Пусть прощаться с Камчаткой, я знаю, мне будет тревожно,
А вернуться сюда – это будет проблемой уже,
Будто душу свою достаю из проверенных ножен,
И душе как клинку предстоит засверкать в неглиже.
Ну а кто заточил нас на эти шальные полёты?
Ладно только бы я – человечество мечется всё!
Ожидаешь ответ: почему ты, зачем ты и кто ты,
Отчего же тебя неожиданный ветер несёт?
Ну а что же Камчатка? Тебя ей, наверное, жалко —
Ведь она провожала немало таких навсегда!
Каждый был здесь как будто
ником не оплаченный сталкер,
Что мечтает вернуться когда-нибудь снова сюда.

Камчадалочка

Я люблю камчатских женщин.
Извините, если что!
Остальных люблю не меньше,
Но немного не за то.
А камчатские красотки,
Как весною черемша
От Лопатки до Чукотки
Пой и радуйся душа!
Узнаю камчатских сразу —
В Шереметьево, везде,
В планетарии с экстазу
Даже имя дам звезде.
И они меня не меньше
Любят, впрочем, как и всех,
У камчатских наших женщин
Хватит и на вас утех.
И не нужно быть вам мачо,
Им достанет рыбака,
Бухта с именем Авача
Будет памятна века!
А сейчас 8 марта,
Черемша под снегом вся,
Почему ж с таким азартом
На Камчатку еду я?

Горизонты

Я раздвигаю горизонты, уехав на Камчатку жить,
Где ветры протыкают зонты, как будто бивнями моржи.
Мне стало тесно на планете, ну где найти такой обзор,
Откуда видно всё на свете: и слава где, и где позор.
А если полечу обратно, закончив миссию свою
Как совершивший подвиг ратный
в своём заправдашнем бою,
То горизонт опять раздвину, не дав захлопнуться ему,
И те же ветры дунут в спину попутно сердцу моему.
Мне на другой конец планеты зачем-то нужно позарез,
Лечу искать свои ответы навстречу утренней заре.
Потом накопятся вопросы и там, откуда улетел,
Ответы получить непросто на сложные вопросы те.
И снова битва с горизонтом на всём периметре Земли.
Периметр огромной зоны, но только вот огромной ли?
Какого хочется простора, достаточного для ума?
Какая площадь, над которой придётся разогнать туман?
Как ножка циркуля воткнутый я в Шереметьево стою.
До рейса только две минуты... А может, стоило на юг?

О белобоких и белоплечих

Беркуты встали в каре. Будто сказали орланам:
– Вот что ребята, харэ изображать великана!
Беркут поменьше орла, но не уступит добычу,
Будто бы пьют из горла где-то под крыльями птички.
Но белоплечий орлан, как опоздавший на свадьбу
Старший пацан-хулиган из генеральской усадьбы.
Он поломает каре, вместе с приятелем в паре
Сядут потом на горе, будто за стойкою в баре.
Беркутам выместить зло можно потом на сороке,
Время которой пришло – вышли, наверное, сроки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.